

ВЫРАЖЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СИНОНИМИИ ГЛАГОЛЬНО- ДЕВЕРБАТИВНЫМИ КОЛЛОКАЦИЯМИ

К синонимии функционального уровня имеет отношение не только адекватность сигнификативного содержания как представление сходства, но и реализация контрастирующих оттенков значения. Согласно этому «объективное условие существования однокоренных синонимов в языке ... кроется не в сходстве, а в различиях, заложенных в самом лексическом значении» [1, с.13]. Для семантического соположения и противопоставления рассматриваемых единиц, соотносимых с глагольной семантикой, почву создаёт тот факт, что в реальной действительности действие, именованию которого служат и глагол и имена действия – девербативы, не протекает по одной временной схеме. Как известно, действие вообще может разворачиваться в неограниченном временном периоде, в пределах обозримого промежутка времени или ограничиваться лишь моментом времени. При его протекании может как иметь место, так и отсутствовать установка на достижение результата. Эти черты реального действия изначально воплощаются в семантике глагола то в виде индивидуальных, то в виде категориальных сем. Та или иная диспозиция в наборе индивидуальных и категориальных сем и делает глагол способным выражать и «факт» (конкретизированное действие), и «процесс» (действие в развитии), и «акт» (ситуативно завершённое кратковременное действие), а также комбинации из перечисленных вариантов [2, с.6]. Дифференциация идёт ещё дальше: выражая действие как факт или процесс по родовым характеристикам, глагол может актуализировать его и по видовым признакам, т.е. по способам протекания. Действие, представленное в виде единичного акта, в определённых условиях может осмысливаться более широко на родовом уровне. Это означает, что в одной конкретной семантической реализации эксплицируется далеко не весь диапазон дифференциальных признаков значения, хотя имплицитно многие из них могут быть в ней представлены и, значит, способны обнаруживать себя в соответствующих контекстуальных условиях. В лингвистике для этого было выдвинуто понятие сем, «отличающихся свойством «подводимости»: они мыслятся как предшествующие «более конкретным семам, которые подводятся под них» [3, с.370] и проявляют себя в реализации.

В свете сказанного и отглагольные имена или девербативы как синонимы глаголов и друг друга в пределах своей макрокатегории «действие» способны реализовать «значения процесса, акта, повторяемости действия, а также выражать действие как общий факт действительности» [2, с.7]. Все такие субкатегориальные значения выступают разновидностями по отношению к макрокатегориальному значению «действие», за счёт чего формируются в различных контекстах диапазоны семантического варьирования. Одновременно на этой почве создаётся стимул и для

проявления тенденции к индивидуализации, т.е. расподоблению фактически синонимичных значений у членов соположений глагол – имена действия. Достаточно привести в этой связи хотя бы следующий фрагмент текста:

Der Gesang vor dem Juwelierladen, der Jan Bronski zum Dieb, meine Mama zur Besitzerin eines Rubinencoliers machte, sollte vorläufig meine Singerei vor Schaufenstern mit begehrenswerten Auslagen beenden.

(G.Grass „Die Blechtrommel“, S. 134)

В приведённом текстовом фрагменте реализуется коллокация девербативов двух моделей (Ge+VS+0–VS+ei) без участия исходного глагола *singen*. За моделью (GE+VS+0) в немецком словообразовании системно закреплено значение многократно повторяющихся однородных действий, сложившихся в единый процесс, причём, именно эта модель отглагольных существительных как бы призвана подчёркивать единый характер процесса („einen wiederholenden Vorgang zu einer Einheit zusammenfassen“ – [4, с.28]). Модели же (VS+ei) системно присуще представление действия как ряда бесконечно повторяющихся кратковременных актов, с акцентом на их разрозненности („den Vorgang in seine endlosen Wiederholungen zerlegen“ – [там же: 28]). Вместе с тем обе модели обладают системно интегрированной коннотацией в виде признака более или менее отрицательной оценки означиваемых действий. В обоих приведённых контекстах отглагольные существительные обеих моделей (*Gesang* и *Singerei*) проявляют себя вместе с тем не совсем одинаково. Под воздействием обстоятельства места *vor dem Juwelierladen* и конкретизирующего определения в виде придаточного предложения «*der Jan Bronski zum Dieb, meine Mama zur Besitzerin eines Rubinencoliers machte*» денотативное пространство в целом сужается до единичного акта, и девербатив *Gesang*, вместо присущей ему семы «множественность», актуализирует сему «единичность», в то время как девербатив *Singerei*, наоборот, сохраняет сему многократной повторяемости действия, переводящей семантику имени в состав более широкого значения «процессуальность». В микроконтексте это подкрепляется и формой множественного числа обстоятельственного члена *vor Schaufenstern*, способствующей именно акцентированию семантического компонента многократности, повторяемости. А в целом взаимодействие обоих имён в рамках контекста обуславливает значение единого действия, характеризующегося сближенностью с процессом. На реализацию оценочной семы прямых указаний в контексте нет, но словообразовательная модель девербатива *Singerei* имплицитно реализует частичный негативно-оценочный компонент с присущей ей коннотацией уничижительности. Тем самым синонимичные по смысловому ядерному компоненту словообразовательные конструкции в данной двухчленной коллокации обеспечивают не столько усиление одного значения, сколько семантическое расподобление в направлении актуализации индивидуальных сем, за счёт чего создаётся значительно большая степень насыщенности текстового фрагмента смысловыми нюансами.

Интересен в рассматриваемом аспекте следующий расширенный фрагмент текста:

Es kommt ihm alles etwas unwahrscheinlich vor, aber nach einer Weile sieht er es als einfache Wirklichkeit: Rascheln in den Büschen, dann ihre Hosen (das verwaschene Hellblau natürlich) und ihre Füße auf dem Pfad, hinter viel Zweigen und Ästen ihr ziemlich rotes Haar. Ihr Gang zum Wagen hat sich gelohnt: YOUR PIPE. Und dann geht sie wieder voran; sie duckt sich da und dort unter den wirren Ästen, und er duckt sich unter den selben Ästen, wenn sie schon wieder aufrecht geht noch immer durch Dickicht. Es ist eine Art von Pfad, nicht immer deutlich, ein verwildeter Pfad. Zuerst ist er vorangegangen: als Mann, der sich hier so wenig auskennt wie sie. Einmal ein sumpfiger Graben, wo er ihr hat helfen müssen, und seither geht sie voran. Das ist ihm auch lieber. Es macht ihr Freude, das zeigt ihr leichter und flinker Gang. Der Atlantik kann nicht fern sein. Hochoben eine vereinzelte Möwe. Im Gehen stopft er die Pfeife und wundert sich, ohne wissen zu wollen, worüber er sich wundert ...

(M.Frisch „Montauk“, S. 7-8)

Трёхчленная коллокация *gehen – Gang – Gehen* с повтором глагола и девербатива *Gang* актуализирует в данном контексте одновременно семантические компоненты «процессуальность» и «опредмеченный результат действия». Возможность двойной семантической реализации у безаффиксного отглагольного существительного заложена уже в его парадигматике, о чём пишут исследователи немецкого языка: приоритетным значением девербатива этой модели они признают ограниченное во времени одноразовое действие, усматривая вместе с тем в его семантике и значение опредмеченного результата действия: «Weil Maskulina häufig einen Einbegriff bezeichnen, der sichtbare Spuren zurückläßt, können sie außer dem Vorgang auch das Ergebnis des Vorganges meinen ...» [4, с.25, 27]. Для двусторонней реализации девербатива *Gang* в контексте создаются благоприятные условия в том смысле, что сначала он сочетается с обстоятельством места, воплощающим направленность действия (движения) *zum Wagen*, благодаря чему содержание явно окрашивается семой «активная процессуальность». Затем девербатив *Gang*, уподобленный денотату – предмету, предстаёт соответственно в сочетании с его признаковыми определениями *leicht*, *flink*. По сути, речь идёт о реализации семы «результат» (*Gang* – результат от *gehen*), передаваемой через опредмечивание действия. Глагол же *gehen* чётко воплощает системную семантику процессуальности, подчёркиваемую повторяемостью. Процессуальную сему реализует и субстантивированный инфинитив в сочетании *im Gehen*, само же сочетание делает процессуальное значение более интенсивным, чем это было бы присуще словарному субстантивированному инфинитиву. Интенсивность создаётся здесь за счёт ограничения времени протекания процесса (не вообще, а только – *im Gehen*).

Как показывает фрагмент, тенденция к индивидуализации, расподоблению значений проявляет себя не только в отношении глагол – девербатив, но и в коллокации семантически однотипных единиц категории *nomina actionis*. Именно контекстуально девербативы разводятся по разным

семантическим категориям, что не противоречит статусу их парадигматической семантики.

Тенденция к спецификации отношений синонимии проявляет себя как при взаимодействии в текстовом фрагменте глагола с отглагольными именами действия, так и, о чём упомянуто выше, при взаимодействии отглагольных имён общей семантики действия между собой. В таких случаях в именах происходит семантический сдвиг, т.е. актуализация не только «процессуальности», но и «субстанциальности», что ведёт к максимальному расподоблению синонимов. Субстанциальные семы, формируя как бы второй ряд семной иерархии, представляют собой в составе имени скрытые валентности глагола [5, с.10]. «Оживление» тех или иных из этих потенций и выводит на передний план исконного глагольного значения определённые субстанциальные семы. В принципе можно считать и так, что обнаруживает себя «зависимость семантики глагола как предиката от семантики требуемых им актантов», и «зависимость эта так велика, что ведёт к семантическим сдвигам в глаголах» [6, с.20]. Действенность механизма возникновения семантического сдвига ощутима в отглагольных именах по-разному, причём их соответственно сопровождает микротекст для требуемой актуализации, т.е. реализации обязательности той или иной валентности. В целом на материале картотеки удаётся проследить ряд общих признаков, которые и освещаются ниже.

а) Функционально-коммуникативная синонимия создаётся глаголом и производным от него именем действия таким образом, что оба члена коллокации демонстрируют семантическую однонаправленность в сторону процессуальных сем значения. Например:

Der Vormittag verging. Am Ende der Heiligen-Geist-Gasse brütete rotschwarz, grün kleigetürmt, unter dickem, geschwellenem Turm die Backsteihenue Sankt Marien. Tauben stießen sich immer wieder aus den klaffenden Turmmauern, fielen in meiner Nähe nieder, redeten dummes Zeug und wußten auch nicht, wie lange die Brutzeit noch dauern sollte, was es da auszubrüten gelte, ob dieses jahrhundertelange Brüten nicht endlich doch zum Selbstzweck würde.

(G.Grass „Die Blechtrommel“, S. 195)

В предикатном глаголе brüten – начальном звене четырёхчленной коллокации, находящемся в микроконтексте со своим подлежащим (Henne), однозначно выступает на передний план сема процессуальности, причём её релевантность не ограничена какими-то рамками. Значение субстантивированного инфинитива Brüten уже в парадигматике снабжено семой неограниченной длительности действия, а в микроконтексте эта сема ещё поддерживается предикативным определением со значением бесконечного времени jahrhundertelang. Благодаря семантической однонаправленности обоих номинаций происходит явное сближение и членов коллокации. Это, в свою очередь, влияет и на средства контекста, расположенные между ними: обстоятельственная группа *immer wieder* выражает признак временной бесконечности; вопросительная конструкция ...

wie lange die Brutzeit noch dauern sollte подчёркивает отсутствие признака окончания процесса; сама семантика глагола *ausbrüten* также реализует указанные признаки отсутствия ограничения, временной бесконечности. Налицо явно обозначенная всей семантикой контекста однонаправленность.

б) Функционально-контекстуальная синонимия между реализованным в контексте глаголом и его производным может вызываться однонаправленностью уже не действия (процесса), а семантического сдвига в сторону проявления субстанциальных сем, например:

Eine merkwürdige Verkettung von Umständen hat Bruno Jordan das Leben gerettet, darunter an erster Stelle die Tatsache, daß er die Leiden eines Kriegsgefangenen als junger Mensch erfahren und daß diese Erfahrung ihn unfähig gemacht hatte, Gefangene zu schinden.

(Ch.Wolf „Kindheitsmuster“, S. 400)

На основании приведённого текстового фрагмента можно согласиться с тем, что в «языковом отражении характера и протекания действия во времени возможно отвлечение от реальной временной протяжённости действия; ... смысл высказывания может предполагать актуальность других признаков протекания действия при неактуальности признака реальной длительности» [7, с.36-37]. Прежде всего, лексическое значение глагола *erfahren* нацелено больше не столько на отражение самого процесса, сколько на означивание его содержания, в связи с транзитивностью глагола, вызывающей необходимость реализации при нём прямого дополнения. Прямое дополнение как раз предопределяет в данном случае перемещение акцента глагольной семантики с процессуальности на субстанциальность (*die Leiden eines Kriegsgefangenen*). Производное имя *Erfahrung* соотносится с глаголом *erfahren* через дейктический элемент *diese*, но, будучи существительным модели (VS+ung), оно характеризуется тем, что в своё значение, наряду со значением производящего глагола, включает частично и его содержание как предложения («übernimmt nicht nur den Inhaltswert des Verbums, sondern zum Teil auch seinen Satzwert ...» – [4, с.31]). Тем самым *Erfahrung* также реализует больше содержательно-субстанциальные компоненты, чем чисто процессуальные. Как раз на базе тенденции к реализации субстанциальных сем и проявляется в данном контексте синонимия обоих элементов двухчленной коллокации.

в) Функционально-контекстуальная синонимия девербативов разных моделей создаётся и тогда, когда оба производные как члены коллокации тяготеют к реализации процессуальности, например:

Im Lager begann das Geknall. Weißblatt fiel sofort hin. Der schwere Tornister schob sich über seinen Hinterkopf. Er war erledigt, so schien ihm. Als eine halbe Stunde und mehr Zeit verstrichen war und die Knallerei kein Ende nahm, versuchte er seinen Kopf von der Last des Tornisters zu befreien ...

(E.Strittmatter „Der Wundertäter“, B.I, S. 436)

Существительное *Geknall*, входя в двухчленную коллокацию (Ge+VS+0 – VS+ei), выступает в микроконтексте с фазовым глаголом *beginnen*, что предопределяет процессуальный характер его семантики.

Существительное же Knallerei в микроконтексте со словосочетанием nahm kein Ende получает стимул к усиленной актуализации семы «длительность» на общем фоне процессуальной семантики. Поддерживающими элементами макроконтекста служат процессуальное значение формы Imperfekt у всех употреблённых предикатных глаголов и темпоральное предложение, введённое союзом als. Вследствие такого согласованного взаимодействия содержание текстового фрагмента однозначно окрашивается процессуально-динамической семантикой.

г) Функционально-контекстуальная синонимия имён разных моделей в коллокации с однокоренным глаголом может проявляться на базе их общей направленности на реализацию субстанциальных значений, например:

Welche Strafen er in Eichholz empfing, läßt sich nicht mehr feststellen, das Strafenbuch ist mit so vielen anderen dem Brande zum Opfer gefallen. Ein Mitschüler soll später versichert haben, Knecht sei in den vier Eschholzer Jahren nur ein einziges Mal gestraft worden, und zwar, weil er sich hartnäckig geweigert habe, den Namen eines Kameraden anzugeben, der etwas Verbotenes getan hatte. Die Anekdote klingt glaubhaft, Knecht war ohne Zweifel stets ein guter Komillitone und niemas liebedienerisch nach oben; daß aber jene Bestrafung wirklich die einzige gewesen sei, ...

(H.Hesse „Das Glasperlenspiel“, B. I, S. 63)

Существительное Strafe в форме множественного числа, тем более в микроконтексте с местоимением welche, нацеливает не на процесс как таковой; глаголом bestrafen в форме Perfekt Passiv, через который с девербативом связано придаточное предложение, в свою очередь актуализируется не явно процессуальный, а скорее статальный компонент. Такое взаимодействие побуждает к актуализации значения субстанциального характера. И девербатив Bestrafung, исконное имя действия, соотносясь через местоимение jene с придаточным предложением „... weil er sich hartnäckig geweigert habe ...“, воспринимается в общем контексте уже не как имя процесса, а как номинация глагольно-предикатного содержания, т.е. как имя с предложенческой семантикой, которую в немецкой традиции обозначают термином „Sachverhalt“.

Таким образом, названная в заглавии данной статьи тема включает в себе, как это очевидно из изложенного, целый комплекс проблематики с её прямой актуальностью для функционально-коммуникативного исследования немецкого языка.

Примечания

1. Ищенко Н.Г. Синонимические отношения в сфере однокоренных абстрактных имён существительных современного немецкого языка: Автореф. дис. канд. филол. наук. Киев, 1983, 24 с.
2. Иевлева И.Ю. Компоненты глагольной семантики в отглагольном имени и их реализация в контексте: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1975, 26 с.
3. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972. С. 367-395.
4. Brinkmann H. Die Deutsche Sprache (Gestalt und Leistung). Pädagogischer Verlag Schwann. Düsseldorf, 1971. S. 16-40.
5. Исенбаева Г.И. Синтактико-семантические пределы функциональной синонимии: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1985. 23 с.
6. Егорченкова Е.Я. Семантические сдвиги в глаголах убеждения в синтаксических конструкциях в современном языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1986. 23 с.
7. Бондарко А.В. Интерпретационные аспекты семантики длительности в русском языке // Язык: система и функционирование. М.: Наука, 1988. С. 35-44.